

Н. ФОРМЭН

удийетво
на
Хайтейтском
кладбище

Натали Формэн

**Убийство на
Хайгейтском кладбище**

«Автор»

2026

Формэн Н.

Убийство на Хайгейтском кладбище / Н. Формэн — «Автор»,
2026

Гибель всемирно известного архитектора Джеральда Клаттербака на мрачных аллеях Хайгейтского кладбища полиция поспешно признает несчастным случаем. Единственный, кто не верит официальной версии, — сын и наследник погибшего. Чтобы докопаться до истины, он тайно нанимает Марка — бывшего сотрудника КГБ, который остался не у дел и теперь вынужден скрываться в тихом провинциальном Свиндоне. Берясь за расследование, Марк даже не подозревает, какие мрачные тайны скрывает безупречный фасад британского высшего общества. Шаг за шагом русский сыщик проникает в закрытый мир жестких классовых традиций, где за вежливыми улыбками аристократов прячутся лицемерие, зависть и старые грехи. Цепочка улик уводит Марка на десятилетия назад — в «золотые» студенческие годы жертвы в Кембридже. Уникальный детектив от автора, прожившего в Великобритании 35 лет. Взгляд на скрытую жизнь современной Англии изнутри — с идеальной достоверностью, тонким психологизмом и глубоким пониманием британского менталитета.

© Формэн Н., 2026

© Автор, 2026

Натали Формэн

Убийство на Хайгейтском кладбище

*And, after all, what is a lie? 'Tis but truth in masquerade.**

Lord Byron

Они присели на нагретую осенним солнцем могильную плиту, чтобы перевести дух. И тут случилось то, что потрясло страну. По крутому склону с нарастающей скоростью катилось что-то огромное, серое, страшное... “Голова...” — мелькнула у неё догадка... Через секунду всё было кончено. Обоих задавила гранитная глыба, рухнувшая со старинного памятника.

На следующий день во всех газетах и по всем телеканалам подробно освещалось происшедшее. На 43-й странице “Гардиан” вышла обширная статья о жизни и творчестве архитектора сэра Джералда Клаттэрбака, “*вместе с женой погибшего на Хайгейтском кладбище в результате несчастного случая*”.

В статье, в частности, говорилось: “*Сэр Джералд Клаттэрбак, 65 лет, был крупнейшим архитектором СК*, имевшим мировую известность. Он разработал и реализовал совершенно новый стиль архитектуры, отличающийся динамичностью форм, с элементами дорического стиля. Британцам хорошо известны его неординарные, привлекающие внимание постройки в центре Лондона и в других городах СК.*”

Далее в статье подробно описывалась жизнь и достижения Клаттэрбака в области развития и пропаганды современной архитектуры. Его заслуги были удостоены высшей королевской награды: дворянского звания с присвоением титула “сэр”. Упоминались также смелые выступления сэра Джералда против спорных замечаний принца Уэльского, известного своим традиционным, если не сказать старомодным, взглядом на архитектуру. В заключение было сказано: “*Всего лишь за несколько месяцев до кончины сэр Клаттэрбак выиграл конкурс на строительство самого престижного архитектурного комплекса на южной стороне Лондона. В этом конкурсе принимали участие лучшие архитекторы СК из десяти других стран мира. Строительство комплекса должно было начаться весной следующего года...*”

И далее, как обычно: друзья и коллеги выражают соболезнование... и указание места и времени похорон.

Едва продрав глаза, Марк смачно сплюнул на пол и злобно подумал: “Всё-таки удивительно сволочная страна. И чего меня сюда занесло?!” Он лежал, уставившись в потолок, и старался сообразить, что теперь делать. Прошло несколько месяцев с тех пор, как ему удалось благополучно удрать от Березняка. Похоже, тот избрал его своей следующей жертвой. Признаков неприязни становилось всё больше, а когда он назвал Марка мраком, стало ясно, что пора рвать когти. И Марк удрал.

«Удрать-то удрал, а что-теперь-то делать?» — думал он. Марк был человеком действия. Себя он любил сравнивать с боевиками американских вестернов. Когда он был в опасности, когда перебирался в Англию, когда выполнял сложные поручения Березняка, — он жил. Теперь, когда он благополучно избежал неминуемой экзекуции, жизнь остановилась, заняться было решительно нечем. По приблизительным подсчётам, денег оставалось ещё на пару месяцев скромного проживания, а потом... Об этом не хотелось думать. “Сволочная страна”, — тупо твердил про себя Марк.

Совсем ещё недавно он находился в своём любимом состоянии, когда выброс адреналина позволяет молниеносно принимать самые отчаянные, но единственно верные решения и дей-

ствовать быстро. Тогда он умело запутал следы, нашёл подходящее жильё, где даже ушлому Березняку

* *«В конце концов, что такое ложь? Это всего лишь правда в маскараде».* Лорд Байрон не придёт в голову его искать. Он дал объявление не в интернете, как это все делают, а в Йеллоу Пейджес. В интернете Березняк вычислил бы его в два счёта! Марк придумал остроумный ход: открыл частную детективную контору. Ему, обучавшемуся в самых лучших разведшколах СССР, проработавшему на этом поприще большую часть своей жизни, карты сами шли в руки! Цены за услуги он установил минимальные и надеялся выгодно конкурировать с местными частными фирмами. Не обошлось и без неожиданного везения, хотя он понял это не сразу. То, что сперва представилось ему оскорбительной ошибкой нерадивой бюрократической кретинки, из-за чего он собирался бежать в консульство и закатить им такой скандал, что мало не покажется, — теперь, когда ситуация круто изменилась, оказалось его спасением. Кретинка, спутавшая букву при обмене паспорта, радикально изменила его фамилию: Марк Слонев перестал существовать, зато появился Марк Слюнев, который открыл собственный бизнес. Впрочем, в английской транскрипции это звучит иначе, и англичане произносят его фамилию не так противно, как она звучит по-русски, так что можно с этим смириться.

Итак, всё было бы прекрасно... если бы не одна деталь. С момента опубликования рекламы прошло немало времени, но ни единого предложения он пока не получил. Его блестящий план трещал по швам. Марк потянулся за сигаретой, и, не нащупав пачки, вспомнил, что вчера в очередной раз бросил курить. Во рту пересохло, хотелось пить...

В этот момент зазвонил телефон. Марк поперхнулся и судорожно схватил трубку.

— Мистер Слэёнев? С вами говорит мистер Клаттэрбак.

“Он же недавно умер!” — от неожиданности чуть было не вырвалось у Марка неуместное восклицание, но он вовремя сдержался.

— Алло! Можно поговорить с мистером Слэёнев? — несколько раздражённо произнёс голос в трубке.

— Разумеется. Вы говорите с мистером Слэёнев. Я вас слушаю.

Марк постарался звучать как можно увереннее и выговорил давно приготовленную фразу с самым хорошим английским произношением, на какое только был способен. Затаив дыхание, он ждал продолжения разговора.

— Мистер Слэёнев, я прочитал рекламу вашего агентства в Йеллоу Пейджес. Не согласились бы Вы провести расследование небольшого дела?

“Даааааааа!” — чуть было не заорал Марк, но удержался и даже выдержал паузу, как ему казалось, уместную в таких случаях.

— Да, конечно, — сказал он с достоинством. — Когда и где вам будет удобно встретиться. Мистер Клаттэрбак назначил время и место.

Резким движением руки она отдернула тяжёлую занавеску, и яркий солнечный свет победно ворвался в спальню. Сад полыхал всеми цветами радуги. Неописуемая красота! Бабье лето в полном разгаре. Восхитительный день! Весь дом, казалось, радовался хорошей погоде.

“Надо обязательно выбраться за город. Таких тёплых солнечных дней теперь будет всё меньше и меньше, всё-таки уже середина октября”, — думала Элизабет, идя на кухню готовить кофе с тостом.

Включив радио и напевая себе под нос, довольная собой и жизнью, она стала соображать, как бы лучше провести день. Она вспомнила, что на прошлой неделе пришёл толстый конверт от Хэриадж. Никто в него не заглядывал, и он одиноко валялся в прихожей нераскрытым.

“Как это глупо, что мы платим ежегодные взносы за привилегию быть членами обществ Нэшнэл Траст и Хэриадж, чтобы путешествовать по изумительной красоты местам, не заботясь о входных билетах, а пользуемся этой привилегией раз в сто лет! Где мы были последний раз? Кажется, в замке Хива... даже не помню. Сегодня начинаем новую жизнь!”

Налив себе кофе и намазав на тост тонкий слой мармелада, Элизабет открыла конверт.

“Добро пожаловать в осень”, — прочитала она на титульном листе ярко иллюстрированного журнала. Потягивая кофе, она листала брошюру и мечтала о том, куда обязательно надо съездить в такой именно день, как сегодня.

— Какой день! — услышав громкий голос Джерри, она вздрогнула от неожиданности.

— Вот и я подумала, дорогой, давай поедем куда-нибудь. Грех упускать такую возможность. Как ты думаешь?

— На Хайгейтское кладбище! Я всегда хотел побывать там. А сейчас мне просто необходимо. Я наметил себе посмотреть два-три объекта, которые должны помочь мне в новом проекте.

Элизабет была обескуражена, но спорить не стала. В конце концов, какая разница. Не особенно хотелось тащиться через весь город, но это мелочи жизни. Уж если Джерри задумал что-то, спорить с ним было бесполезно. Лучше настроиться на радостный лад и получить максимум удовольствия от путешествия.

В десять утра они выехали из дома. На дорогах машин было мало. По воскресеньям все или сидят по домам, или уже уехали куда-нибудь в субботу, а то и в пятницу. К одиннадцати супруги добрались до Хайгейта. Элизабет не пожалела, что послушалась Джерри, — здесь было очаровательно.

Они с трудом нашли место для парковки и пошли к кладбищу через парк. Элизабет призналась себе, что здесь было не хуже, чем в её любимом Блэкхите. В парке она заприметила небольшое кафе и решила, что на обратном пути можно будет выпить кофе. Экскурсию по кладбищу вёл сравнительно молодой мужчина, большой энтузиаст своего дела, и слушать его было интересно.

Когда экскурсия закончилась, и группа направилась к выходу, Джерри подошёл к одной из служащих и объяснил ей, кто он и почему ему просто необходимо увидеть несколько памятников. Та без колебаний дала разрешение и пояснила, как найти эти памятники.

Супруги свернули на узкую тропинку, никем не замеченные. Здесь было ещё интересней, ощущалось что-то мистическое. Могила и памятники плотно увиты плющом — приходилось раздвигать его руками, чтобы увидеть имена, даты, посвящения. Джерри нашёл те памятники, которые разыскивал, и с чувством удовлетворения предложил отдохнуть у одного из них. Они присели на нагретую осенним солнцем могильную плиту...

Дверь открыл Крис Клаттэрбак, и увидев Марка, сразу же пожалел о своём выборе детектива. Перед ним стоял неприметного вида, среднего роста, неопределённого возраста, ничем не примечательный человек. “Какой-то серый”, — подумал Крис, но моментально взял себя в руки и придал лицу доброжелательное выражение. “Возможно, так и должен выглядеть сыщик, чтобы не привлекать к себе внимания окружающих. Серый он потому, что одет во всё серое... — объяснил он сам себе. — К тому же он русский” — мысленно добавил Крис, не имея ни малейшего представления о том, как должен выглядеть русский.

Крис провёл Марка в большую светлую гостиную, назвав её дроинг-рум.

Марк почему-то именно таким представлял себе дом загадочного клиента. Своего первого клиента! Огромный, капитальный, трёхэтажный, в самом престижном уголке Блэкхита: с одной стороны, практически в самом центре, одним боком на пустырь, с другой стороны — с пустыря его совершенно не видно. “Вот что значит умная планировка”, — одобительно подумал Марк.

Мистер Кристофер Клаттэрбак оказался сравнительно молодым человеком: лет сорока или около того. Вежливо представившись, он провёл Марка в большую светлую гостиную. “Интересно, по какой такой никому неизвестной причине у людей их класса в этом классовом обществе гостиная называется дроинг-рум?” — промелькнуло в голове у Марка.

Комната была обставлена несколько старомодно, но очень элегантно. “Ишь ты! Антиквариат!”, — с уважением подумал Марк, глядя на старинную мебель. Пройдясь глазами по бесчисленным предметам, наполнявшим просторную комнату, Марк решил, что хозяин что-то не очень вписывается в интерьер.

— Это дом моих родителей, — как бы отвечая на его мысли, пояснил мистер Клаттэрбак. — Чай, кофе? Или предпочитаете что-нибудь покрепче? Шерри, джин с тоником, бренди?

— Кофе будет в самый раз, — сказал Марк, полагая, что “у них тут так принято”. Хозяин удалился, а Марк продолжал осматриваться.

Множество дорогостоящих сувениров из разных стран мира украшало гостиную. Вдруг глаза его остановились на чем-то знакомом. “Ба, матрёшка! Родимая ты наша! — с теплотой подумал Марк. — Н-да, попутешествовали они вдоволь”, — заключил он.

На старинном рояле стояли фотографии в рамках. Многие из запечатлённых на них были известны даже Марку. На особо почётном месте — снимок хозяина дома с принцессой Дианой.

— Эта фотография была сделана во время благотворительного вечера в пользу бездомных. Мои родители участвовали во многих благотворительных акциях, — сказал мистер Клаттэрбак, внося на серебряном подносе маленькие чашечки с завораживающе пахнущим кофе. “Как в лучших домах Лонда Она”, — пронеслось в голове у Марка.

— Я рад, что вы согласились разобраться в деле, о котором я вам сейчас расскажу. Вы, вероятно, знаете о безвременной гибели моих родителей, супругов Клаттэрбак. Об этом сообщали все средства массовой информации.

Клаттэрбак-младший выдержал паузу, как бы давая собеседнику возможность оценить грандиозность происшедшего. Марк глубокомысленно молчал.

— Вы, конечно, понимаете, что я не верю в несчастный случай и считаю, что совершено убийство. Моих родителей убили. Кто это сделал и почему — в этом надо разобраться. Поручить это дело я хотел бы вам... если вы согласитесь.

Марк продолжал молчать, прикидывая, какой дош можно содрать с этого пижона.

— Я щедро заплачу за вашу услугу, — в очередной раз как бы подслушал мысли Марка Клаттэрбак. “Вот дьявол! С ним надо держать ухо востро”, — подумал Марк, а вслух спросил:

— Что навело вас на мысль об убийстве? У вас есть какие-то улики или это только подозрения?

Клаттэрбак испытующе посмотрел на Марка и сказал:

— Никаких улик, одни подозрения... и интуиция. Видите ли, мой отец был слишком видной фигурой, чтобы не иметь завистников.

— Я полагаю, он оставил неплохое наследство?

— Да, я единственный наследник всего состояния и половины отцовского бизнеса.

“Ну вот, голубчик, ты первый и попал на заметку: не сам ли ты и замочил своих родителей?” — позлобствовал было Марк, но вовремя спохватился, вспомнив, что диковинному клиенту до сих пор весьма ловко удавалось читать его мысли. Но Клаттэрбак невозмутимо продолжал:

— Как вы, возможно, знаете, отец был совладельцем архитектурной фирмы. Его партнёра зовут Тимоти Такк. Они в своё время вместе учились, вместе создавали эту фирму. Она так и называется: “Клаттэрбак и Такк.”

“Звучит несколько оскорбительно для Такка, будто какой-то придаток...” — подумал Марк и в лоб спросил:

— Вы считаете Такка одним из завистников?

— Нет, ну зачем же так...

“Значит, считает. Вот уже два подозреваемых. Дело продвигается с бешеной скоростью”, — подумал Марк с грустной иронией.

— Хорошо, я согласен провести расследование. А вы, со своей стороны, должны помочь мне информацией, имеющей отношение к делу.

— Ну, разумеется, разумеется. Я очень вам благодарен.

— Пока благодарить рано. Дело, как видно, сложное, раз полиция не разобралась в нём в своё время.

— Кое-какие свои соображения я изложил в письменной форме, они в этом конверте вместе с авансом, — Клаттэрбак протянул увесистый конверт. Марку не терпелось его открыть, и он поспешил распрощаться. На улицу он вышел, довольный собой и своей состоявшейся жизнью.

Погода стояла чудесная, по-осеннему неяркое солнце ласкало и манило на природу. “А здесь недурственно, — думал Марк, оглядываясь. — Я бы даже сказал, классно!”

Когда он ехал к Клаттэрбакам и крутился по Блэкхит-вилладж в поисках их дома, он обратил внимание на импозантное кирпичное здание с барельефом на фасаде. “Консерватория!” — удивился он, прочитав вывеску. Всевозможные маленькие магазинчики, среди них бутики. Всё говорило о том, что район — для зажиточной публики. Это радовало: “Бабки есть, будет чем платить за мои труды”. И теперь тяжёлый конверт, лежавший в кармане куртки, согревал душу и поднимал настроение.

В прекрасном расположении духа он выехал на огромный пустырь и увидел удивительно живописную англиканскую церковь со шпилем, устремлённым в небо. Торопиться было некуда, и он потихоньку стал кружить на машине, разглядывая окрестности. Весь пустырь представлял собой аккуратно подстриженный зелёный ковёр-газон, по которому важно расхаживали большие чёрные вороны и белые чайки. “У нас вороны чёрные с серым... Чайки здесь напоминают о том, что Великобритания — остров”, — предавался праздным размышлениям Марк.

Разноцветные, разнокалиберные машины и ярко-красные двухэтажные автобусы, которые едут по дальней кромке пустыря, кажутся издали игрушечными. В небольших прудиках плавают утки.

Народу мало: кое-где мамы с колясками; большие и маленькие собачки деловито прогуливают своих хозяев; влюблённые, никого и ничего вокруг не замечая, сидят либо на лавочке, либо прямо на траве в обнимку; одинокий велосипедист чешет через пустырь; школьники в спортивной форме занимаются физкультурой прямо на холодной осенней траве; дворник в люминесцентной жёлтой форме толкает огромный темно-серый бак на колёсах со щётками, мётлами, совками — на все случаи жизни. В такой же люминесцентной форме, но только до самых пят, в ожидании возвращающихся из школы детей одиноко переминается с ноги на ногу лолли-поп мэн, держа в руке круглый щит на длинном шесте; две женщины-полицейские флагируют верхом на лошадях, никуда не торопясь, о чём-то судача и посмеиваясь. Всё дышит благополучием и уверенностью в завтрашнем дне.

“И что характерно, — думал Марк, с любопытством озираясь, — все тебе приветливо улыбаются. После берёзово-стоеросовых хмурых харь здесь душа радуется жизни. И какой сволочи придёт мысль об убийстве при такой благодати? Он остановил машину и заглянул

в карту. На той стороне пустыря – Гринвич. “Тот самый Гринвич, откуда начинается отсчёт меридианов. Похоже, за той каменной стеной”.

Марк прожил в Англии несколько лет, но до сих пор ему не часто удавалось выбираться в Лондон. Он решил воспользоваться случаем, чтобы празднично погулять и насладиться статусом туриста.

Чугунные ворота Гринвичского парка были гостеприимно раскрыты. Марк припарковал машину, заплатил за парковку, и увидев небольшое кафе, которое почему-то называлась чайным павильоном, почувствовал, что организм требует заправки.

Подзаправившись супом и пастушьим пирогом, Марк пошёл гулять по парку. Начинаящие терять листву в это время года многовековые деревья поразили его своей грандиозностью и причудливостью форм.

По роду своей деятельности Марк был наблюдателем, но обычно его наблюдения ограничивались людьми, их взаимоотношениями и всем, что с этим связано. А теперь он с наслаждением разглядывал английский парк. Упитанные серые белки-попрошайки проверяли Марка на щедрость. Стайка маленьких и шумных зелёных попугайчиков озадачила его. Он не предполагал увидеть попугаев на этой широте. В задумчивости он набрёл на останки дерева, огороженные забором. “Странно, чтобы это могло значить?” Табличка рядом с дубом гласила, что это дуб времён Елизаветы I. Дуб снесло ураганом в 1987 году. Несколько веков он был полым, и предполагается, что в нём какое-то время была тюрьма. “Одиночка, — прокомментировал со знанием дела Марк. — Ну и нравы!”

Около обсерватории, рядом с памятником генералу Вульффу, толпились японские туристы, беспрестанно щёлкая фотоаппаратами и щебеча, как попугайчики. Марк подошёл ближе. “Обзорная площадка как на Ленинских горах. Вид стоящий, — отметил он и взглянул на часы. — Ещё только половина пятого, а уже темнеет, пора домой. В следующий раз постараюсь прийти пораньше и всё как следует разглядеть”, — подумал он и пошёл к своей машине.

Тимоти Такк — крупный, неповоротливый, в шоколадного цвета широких вельветовых брюках и в просторном свитере цвета жухлой травы был немного похож на плюшевого мишку. Он сидел в большом кожаном кресле и курил трубку. Когда Марк вошёл, он сделал какое-то неопределённое движение — возможно, попытался встать навстречу, но, оставшись сидеть, указал Марку на кресло рядом и застыл в ожидании.

— Очень благодарен вам за возможность встретиться. — Марк пустил в ход все известные ему вежливые обороты английской речи. “Главное — заставить его расслабиться, и тогда, может быть, он разговорится. Хотя это маловероятно”.

— Рад буду оказаться вам полезным, — приятным баритоном сказал мистер Такк и опять запыхтел своей трубкой. — Впрочем, не знаю, чем. Наверное, Крис уже всё вам обо мне рассказал. Да, собственно, и рассказывать нечего. После окончания Кембриджа мы с Джералдом создали фирму на доставшиеся мне в наследство от родителей деньги. Постепенно дела пошли в гору и...

— Скажите, пожалуйста, а тот проект, который вы должны были начать осуществлять с сэром Джералдом весной следующего года, — этот проект полностью готов или требуется какая-то доработка?

— Ну, как обычно, без доработки ничего не бывает. Проект готов только в общих чертах, работы ещё очень и очень много.

“Ох уж эти вежливые англичане! Трудно понять, что у них на уме, когда на языке — пустые вежливые слова”, — мучился Марк, недоумевая, что бы ещё спросить. Уходить из этой “тёплой берлоги”, как он сразу же про себя обозвал жилище Такка, очень не хотелось, да и нельзя было: ведь другой возможности побывать здесь, скорее всего, уже не представится.

Незаметно для хозяина Марк огляделся. Дом произвёл на него самое лучшее впечатление: огромный, с просторными комнатами. Та, в которой они сидели, выходила двумя сторонами в большой заросший сад. Третья стена представляла собой сплошные книжные полки. Книги были самые разные: потемневшие от старости потрёпанные переплёты хаотично перемежались с современными изданиями художественной литературы и книгами по искусству и архитектуре. Мебель старинная, громоздкая. “Под стать хозяину”, — подумал Марк. Но самым удивительным в этой комнате был большой камин, в котором потрескивали настоящие поленья. Марк понял, почему в комнате, несмотря на беспорядок и эклектику, было так уютно. Разомлевшему Марку на миг даже показалось, что за дверью промелькнула чья-то бесшумная тень. “Вот в таких-то домах, наверное, и водятся привидения”, — пришло ему на ум.

Перед тем как нанести визит мистеру Такку, Марк залез в интернет и узнал о нём много интересного. Оказалось, что мистер Такк не менее известен в своей области, чем сэр Джералд. “Но, — заключил для себя Марк, — менее удачлив”. Под всеми совместными проектами имя Клаттэрбака стояло первым, хотя многие из них были разработаны Такком самостоятельно. Вскользь пролистав “Журнал Архитекторов” и “Архитектурную Неделю”, Марк убедился в том, что многие коллеги-архитекторы высоко ценят Такка и часто цитируют ряд его проектов, которые по неизвестной причине так и не были осуществлены. Кроме этого Марк узнал, что мистер Такк — большой почитатель и последователь Вильяма Морриса, жившего, кстати, в своё время в тех же краях, что и Клаттэрбак с Такком. И, наконец, Такк, как и Клаттэрбак, был почётным членом Королевского Общества Британских Архитекторов.

Затянувшееся молчание прервал мистер Такк:

— Вам известен такой английский герой – Квинтен Крисп? К сожалению, он давно умер. Так вот, однажды он в одном из своих интервью высказал мудрую мысль: “Пыль, если её не трогать, сваливается в мягкие катыши, сама собой закатывается под мебель и там никому не мешает”. Лично я придерживаюсь того же мнения. А вы что думаете по этому поводу?

Вопрос застал Марка врасплох. Если честно, он ничего по этому поводу не думал. Скосив глаза, он заметил, что в комнате в дополнение к беспорядку было ещё и пыльно.

— Я не задумывался над этим, — сказал Марк дипломатично и, похоже, своим ответом угодил хозяину. Тот пыхнул трубкой и предложил:

— Не пожелаете ли выпить со мной виски? Или вы пьёте только водку?

— Виски — это чудесно! — радостно согласился Марк. Конечно, он предпочёл бы водку, но признаться в этом посчитал неприличным.

— Наливайте, — сказал хозяин и указал на небольшой столик, на котором стояли старинные гранёные графины с крепкими напитками.

“Этот мужик мне определённо нравится... Но нюни с ним я распускать не буду. С этими англичанами нельзя расслабляться! Только проникнешься к ним симпатией, как они тебе нож в спину. Знаю я их. Не раз уже случалось. А у этого были все причины иметь зуб на своего напарника, хоть он и говорит о нём без всякого раздражения. Это он следы замечает. Видали мы таких. Нас не проведёшь”.

Виски был отменный. “Недешёвый, блин... ладно, может, теперь у него язык развяжется”.

— Вы меня извините, — выдавил Марк, — но я должен задать вам один совершенно рутинный вопрос. Где вы были 13 октября в час дня?

Мистер Такк задумался.

— Это время гибели Джералда и его супруги. Не так ли? Кажется, это было воскресенье. Не правда ли? — как бы размышляя вслух, медленно ронял он слова. — Что-то я не припомню, где я был в этот день.

“Ну, вот тебе, пожалуйста, начинается. Темнит! Не верю я, что он не помнит. Нюх ищейки никогда ещё меня не подводил. Этим типом надо вплотную заняться. Мягко стелет, да жёстко спать”, — подумал Марк, а вслух ласково промурлыкал:

— Ничего страшного. Со всеми случается. Всего упомянуть нельзя. Это не так уж важно... А скажите, пожалуйста, сколько человек работают в вашей фирме?

— Мне трудно сказать. Вся административная часть всегда была на Джералде. Сейчас, я думаю, эти функции взял на себя Крис. Финансовые дела, естественно, ведёт бухгалтер, ну и так далее. Мне известно также, что когда случается выполнять большой проект, то обычно нанимают специалистов по контракту. Деталей, к сожалению, не знаю. В этом я вам не помощник. Я имею дело только с двумя чертёжниками и секретаршей.

— Вы не будете возражать, если я задам им несколько вопросов?

— Ну, разумеется, разумеется, какие могут быть возражения. Делайте всё, что нужно.

Такк взял со стола клочок бумаги и красивым размашистым почерком написал телефоны и имена своих помощников. Марк поблагодарил и стал прощаться. Здесь он больше ничего не добьётся. К хозяину он чувствовал расположение, а это вовсе не помогает, когда ведёшь расследование.

“Этот очаровательный “плюшевый мишка” явно что-то скрывает. Такой кого хочешь обведёт вокруг пальца. И дом у него, похоже, с привидениями”, — думал Марк, выходя на улицу.

Секретаршу компании “Клаттэрбак и Такк” звали Лайссандра. Жила она в небольшой двуспальной квартирке в Клапаме, на юге Лондона, со своим сыном Себастьяном. Она отказалась пригласить Марка к себе, а назначила ему встречу в пабе. “Типичная англичанка, вот именно таких называют “английская роза”, — подумал Марк, увидев её сидящей за столиком слева от входа, как они и условились. Лайссандра сразу понравилась Марку: спокойная, уверенная в себе, холёная блондинка неопределённого возраста, по-видимому, среднего роста. Марк обратил внимание на туго обтянутое тонким чёрным свитером “оружие массового поражения”, вспомнив рекламу лифчиков, которая появилась вскоре после вступления Англии в войну с Ираком. “Хороша Маша, да не наша! Вот таким и сходят с рук любые убийства, — по своему обыкновению подумал Марк. — Ну, погоди! Найдётся и на тебя управа!”.

С первой же минуты их общения он понял, что неприятен ей, и задумался над тем, как поступить, чтобы похитрее расколоть эту заморскую крालю. На такой случай у него имелся запасной вариант, которым он не любил пользоваться слишком часто. Несмотря на очевидную неприязнь, Лайссандра подробно отвечала на все вопросы Марка. Выяснилось, что в день убийства она, совершенно независимо от Клаттэрбаков, тоже была на Хайгейтском кладбище, вместе со своим сыном Себастьяном. Об этом она рассказала спокойно, ничего не утаив. “Не утаив ли?” — подозрение не покидало Марка. Получилось это совершенно случайно. Как правило, воскресенья она проводила с сыном, при этом старалась сделать так, чтобы каждая их вылазка была предельно интересна, оригинальна и помогала расширению кругозора мальчика. “Он хотя и учится в частной школе, но вы же понимаете, что этого вовсе недостаточно для полноценного развития”.

— Вы не возражаете? — Марк вынул из кармана блокнот и показал жестом, что хочет что-то записать.

— Не возражаю, — безразличным тоном ответила Лайссандра.

Марк сделал пометку в блокноте: “Сколько стоит обучение в частной школе? Её секретарской зарплаты точно не хватит. Кто за это платит? Кто отец мальчика?”

— Пожалуйста, продолжайте, извините, что прервал вас. Мне показался выбор вашей экскурсии несколько странным. Всё-таки кладбище... Кажется, там похоронен Карл Маркс?

— Карл Маркс похоронен на новом кладбище, а мы были на старом. Это историческое кладбище, самое старое в Лондоне и необычайно интересное. Там сохранились уникальные памятники архитектуры. Думаю, и сэр Джералд с супругой отправились туда, чтобы вдохно-

виться особой аурой этого удивительного места и зарядиться творческой энергией перед началом работы над большим проектом.

“Во даёт! Особая аура... Творческая энергия... Это на кладбище-то?! Что-то сомнительно. Тут что-то не то!” — вертелось в голове у Марка. А Лайссандра тем временем вдохновенно продолжала:

— Вы, возможно, слышали о том, что сэр Джералд собирался начать работу над грандиозным проектом на южном берегу Темзы?

— Слышал, об этом писали все газеты. Вы начали рассказывать о своём посещении кладбища. Не могли бы вы продолжить ваш рассказ?

— Да, конечно. Видите ли, вы спросили, почему мой выбор пал на Хайгейтское кладбище. Дело в том, что я давно собиралась свозить туда Себастьяна. И я была права. Некоторые могилы и склепы очень его заинтересовали. Например, могила основателя лондонского зоопарка, мавзолеев, катакомбы и так далее. Кроме того, кладбище находится в другом конце города, и всё как-то не было времени туда доехать. А в то воскресенье день выдался солнечный, тёплый, настроение было хорошее, и мы поехали. Оказалось, что таких умников, как мы, было много, и мы застряли в длиннющей очереди. Вход на кладбище — по билетам и только в сопровождении гида. Это несколько омрачило наше посещение, тем более что старуха, проверявшая билеты, вела себя менее чем приятно.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, знаете, бывают такие невежливые люди, одержимые бюрократическим рвением. Она как-то довольно противно шипела на нас, укоряя в том, что мы недостаточно тихо переговариваемся и не очень благоговейно ведём себя в таком священном месте.

“Совсем как в былые времена охрана в мавзолее Ленина”, — мелькнуло у Марка воспоминание.

— То она строила нас в шеренги, то отгоняла на какое-то расстояние. Я бы сказала, вела себя неприлично. Это произвело на меня очень тяжёлое впечатление. Напомнило мне школу. Наверное, эта леди в своё время была училкой в школе, а теперь, выйдя на пенсию, подрабатывала служкой на кладбище.

“Явно впечатление она произвела на тебя большое, если ты так подробно об этом рассказываешь”, — подумал про себя Марк, а вслух сказал:

— Я вам очень благодарен за подробный рассказ. Продолжайте, прошу вас. Кстати, вы никого из знакомых там не встретили?

Лайссандра задумалась ненадолго и потом продолжала всё так же спокойно и уверенно:

— Нет, не встретила. Я вам уже говорила, что по кладбищу можно ходить только в сопровождении гида. Возможно, это связано с тем, что некоторые памятники находятся в аварийном состоянии. Да вы и сами знаете, что именно это и послужило причиной несчастного случая с супругами Клаттэрбак. Я не могу понять, зачем они..., впрочем, могу! Сэр Джералд заранее наметил памятники, которые ему хотелось посмотреть, а они не входили в официально разработанный маршрут показа кладбища. Вы знаете, сэр Джералд был очень независимый человек, никто и ничто не могло бы его остановить, если он чего-то захотел или на что-то решился.

“Это я уже и без тебя понял”, — раздражённо подумал Марк и решил свернуть интервью, из которого больше ничего не удастся выжать. Однако Лайссандра, кажется, никуда не торопилась.

— Наша провожатая-гид тоже оставляла желать лучшего. Могу себе представить, как она раздражала сэра Джералда, — если, конечно, она сопровождала и их экскурсию. Типичная конки, и шуточки отпускала плоские и неуместные...

— Кстати, в котором часу вы были на кладбище, когда проходила ваша экскурсия и когда вы отправились домой? — перебил её Марк.

— Мы приехали где-то в первом часу, а уехали часа в три. Я точно это помню, потому что Себастьян хотел успеть на свой фильм “Полицейская академия”, который начинался в пять. Но Марк уже не слушал её — он думал о предстоящем этапе расследования.

Ловушку для Лайссандры Марк подготовил в клубе здоровья в Докланде, который она посещала каждую среду и пятницу. Марк успел уже попариться в сауне и поплавать в бассейне. Теперь он сидел в шезлонге и разглядывал членов клуба. За окном было серо, моросил дождик, а здесь тепло и уютно. Жаль, что членство в этом клубе стоит недёшево, а то бы он тоже проводил здесь всё своё свободное время. В эти дневные часы тут было не слишкомлюдно. Народ обычно начинает прибывать после работы, а до этого времени оставался ещё по крайней мере час.

Костю он увидел издалека. “Везёт же дуракам! — с завистью подумал Марк. — Жаль, что придётся воспользоваться его услугами, но ничего не поделаешь”.

Костя — высокий, атлетического сложения блондин с правильными и привлекательными чертами лица — шёл медленно, с достоинством неся своё красивое тело, зная, что на него заглядываются. Ему это явно импонировало.

“Твоё тщеславие в сочетании с тупостью когда-нибудь тебя и погубят”, — подумал Марк, радушно приветствуя Костю и приглашая сесть рядом.

— Хай, старик! Введи в курс, — небрежно бросил Костя.

— Да всё как обычно. Ты и так всё знаешь. Информация нужна. Я тебе уже объяснял. Надеюсь, ты запомнил. Ты только не перестарайся. Ни о каком инволменте не может быть и речи. Усвоил?

— А предмет для обработки где? — озираясь, спросил Костя.

— Скоро появится. Не торопи события.

Костя, подхваченный, как осенний листок, людским потоком, хлынувшим из Литвы на Запад в связи с присоединением Прибалтики к Европейскому содружеству, приехал из Каунаса прямо в Лондон. Он так и не научился прилично говорить по-английски, нахватался расхожих словечек и фраз. Однако этот, казалось бы, недостаток, он умел использовать в своих интересах. Собственно, если бы он вдруг хорошо заговорил по-английски, то глупость его стала бы сразу всем очевидна, и это испортило бы ему беззаботную жизнь в Лондоне. А так — он перебывал с хлеба на водку, подрабатывая чем придётся. Сердобольный женский пол, не в силах устоять перед его мужским шармом, подбрасывал ему всевозможную немудрёную работёнку: то огород вскопать, то забор починить, то стены покрасить.

Марк, конечно, рисковал, поручая Косте деликатную миссию охмурения образованной и в какой-то степени даже утончённой англичанки. Но решил всё-таки рискнуть. Понадеялся на русский “авось”. Он прекрасно знал, что, Костя спит и видит “обжениться” и зацепиться, чтобы остаться в Англии, а потому каждая проходящая мимо юбка представляется ему возможным вариантом. “Благородное ли дело риск? Вот в чём вопрос?” — пробурчал себе под нос Марк.

— Ты о чём?

— Да так, о своём. А вот, кстати, и она. Гуд лак, я смываюсь, — он кивнул в сторону появившейся Лайссандры и незаметно исчез.

После успешного знакомства с Лайссандрой в клубе здоровья Костя решил не упускать подвернувшейся возможности зацепиться, не откладывая дело в долгий ящик.

На своём голубином* языке он дал ей понять, что он мастер на все руки, и незамедлительно получил предложение прибить новый карниз. Как раз на это Костя и рассчитывал. Это всё, что ему было нужно.

Накануне встречи с Лайссандрой он наведлся к одной из своих сердобольных опекунш, престарелой Миссис Кляйн, у которой был огромный сад. Старушка всегда радовалась его визитам. “Бедный мальчик, он голодает”, — думала Миссис Кляйн, суется на кухне, готовя для Кости еду. А он никогда не отказывался поесть на халяву, тем более “у буржеек”, как он про себя окрестил всех своих благодетельниц. Плотнo закусив, он пошёл в сад, объяснив Миссис Кляйн, что собирается прополоть цветочные кусты в дальней части сада.

Никакой прополки в такое время года, естественно, не требовалось. Но Миссис Кляйн не стала его переубеждать, с грустью подумав, что он может обидеться, если она нетактично ему об этом скажет. “Милый мальчик хочет отплатить мне своим трудом за обед. Благородный порыв, который не следует пресекать”, — думала Миссис Кляйн, с умилением глядя в окно на Костю плохо видящими старческими глазами. Костя между тем планомерно “пропалывал” сад, очищая его от ярко-розовых осенних лилий, которые аккуратно складывал в коробку, спрятанную в чёрный пластиковый мешок. Он не торопился.

“Прополов” таким образом сад, он распрощался с милой старушкой, и довольный собой, отправился в Клэпам. По дороге он выбросил коробку и чёрный мешок и остался с огромной охапкой цветов, которую вручил ошарашенной Лайссандре.

Цветы, несомненно, сыграли свою положительную роль. Лайссандра провела Костю в гостиную, познакомила с сыном и удалилась на кухню заваривать чай. Сидя в гостиной, Костя слышал, как она разговаривала с кем-то по телефону. Он постарался прислушаться, но услышал только её слова о том, что сейчас говорить не может.

Лайссандра напоила Костю чаем с рассыпчатым шотландским печеньем, которое напомнило ему любимое с детства курабье бакинское.

“Сын — это нагрузочка... но, с другой стороны, может, и наоборот... у него же есть отец... должен содержать...” — цинично прикидывал Костя, разглядывая комнату и представляя себя в данном интерьере.

Вся квартира была в буквальном смысле белая: стены, занавески, мебель. При этом мебель обшарпанная, кое-где с остатками позолоты. “Как в третьесортной гостинице или в коммуналке”, — подумал Костя и вспомнил, как миссис Кляйн однажды неодобрительно высказалась по поводу современной моды, что этот последний писк называется шэбби шик. Впрочем, такие мелочи Костю не очень-то занимали. Главное, чик, как говорят англичане, клюнула.

Он был уверен, что дело сладится, и он, наконец-то, бросит якорь именно здесь, в Клэпаме, о котором ещё неделю назад он не имел ни малейшего понятия.

О своих личных интересах: инициативе с визитом и офигенном успехе Костя решил до поры до времени не распространяться: “Марк не поймёт и всё испортит”.

На встречу с Костей Марк не хотел тратить время. Без особой надежды на успех он позволил ему, и тот сразу же, как Марк и ожидал, начал канючить:

— Времени не хватило. Ты думаешь, это так просто...

— Ну, давай-давай-давай, чего успел накопать?

— Лайса живёт вдвоём с сыном...

— Это я и без тебя знаю. Кто отец?

— Пока не знаю...

— От тебя как от козла молока. Считаю, что ты получил первое предупреждение. Где вы были, о чём болтали? Впрочем, с тобой особо не поболтаешь.

— Как ты и советовал, я пригласил её в “Рибук”, но она торопилась домой, сказала, что ей надо оставить распоряжения уборщице. Кстати, уборщица у неё тоже русская... приколы... та её научила по-русски...

— Заткнись ты, твоя задача познакомиться с уборщицей, понял? Лайссандру оставь в покое.

— А как же...

Но Марк уже повесил трубку. “Тяжело иметь дело с идиотами, — подумал он с раздражением; он знал, что от этого идиота можно было ожидать чего угодно. — Однако и на него найдётся управа... Как только можно будет задействовать в качестве информатора русскую уборщицу — а в этом он не сомневался: с бабами всегда легче сговориться, они болтливы, — от этого козла моментально избавлюсь”.

Марк завалился на диван и стал составлять план дальнейших действий.

Люся, невысокая, фигуристая, аппетитная как сдобная булочка, двадцатидвухлетняя блондинка, стояла в толпе зевак и не сводила замороженного взгляда с праздничного шествия. Она прожила в Англии уже два года и чувствовала себя довольно уверенно, но привыкнуть к английскому образу жизни никак не могла. Всё её поражало, восхищало, удивляло, радовало. Вот и сейчас она как зачарованная следила за всем, что происходило вокруг.

Она приехала заранее и заняла очень хорошее место для обзора, практически напротив Мэншн Хауз.

Лорд Мэр в треуголке и в живописной, отороченной мехом красной мантии, принимал парад. У парадного входа в особняк, выходящего на площадь, были возведены трибуны для почётных гостей Мэра. Несмотря на хмурую погоду, настроение было приподнятое у всех: у гостей, у участников парада и у зевак.

Люся приготовилась провести в Сити весь день. Станция “Кэннон стрит” была сегодня закрыта, так что Люся доехала до станции “Лондонский Мост”, и сюда дошла пешком. Уже на мосту она почувствовала праздничное настроение и была рада, что приехала, несмотря на плохую погоду. Она прихватила с собой зонтик, термос и бутерброды. Оделась потеплее. На ней было новое бежевое пальто, которое хорошо гармонировало с василькового цвета длинным шарфом, шапочкой и перчатками. Васильковый цвет ей бесспорно шёл. В петлице полыхал алым огоньком красный мак. “Как у всех”, — радовалась Люся.

Парад начался в 11 часов и должен был закончиться в 2.30. Мимо проходили всевозможные демонстранты, представители организаций, ассоциирующихся с историей Сити, с работой и благотворительностью новоиспечённого Мэра. Две огромные уродливые надувные фигуры Гога и Магога — хранителей Сити — неприятно удивили Люсю и немного напугали.

К двум часам Люся подустала, но оторваться от зрелища не могла. Её ошеломяло буквально всё: обилие красок, костюмы демонстрантов и наряды гостей, грандиозность происходящего, шумные оркестры — участники шествия и снующие повсюду известные по телепередачам репортёры. Апофеозом праздника стало появление золотой кареты, в которой Лорд Мэр поехал приносить присягу, чтобы заступить на должность мэра Сити. Люся не знала точно, где и кому он приносит присягу. Это мало её волновало. Она предвкушала вечерний салют на Темзе, даже отдалённо не догадываясь о том, какие переживания и испытания готовила ей судьба в недалёком будущем.

С того рокового дня Фэлисیتی постоянно находилась в каком-то совершенно несвойственном ей состоянии оцепенения. Она ни на чём не могла сосредоточиться. Даже “Классик ФМ”, её любимая радиостанция, по которой передавали классическую музыку, без чего в обычное время она не представляла себе жизни, стала её раздражать. В саду в это время года делать было нечего. Сад был её любимым детищем, она могла копать, удобрять, сажать и пересаживать растения круглые сутки. Ну не круглые сутки, это преувеличение, но до самой

темноты, уж это точно. Иногда она совершала паломничества в разные знаменитые сады на территории Великобритании — она считала их лучшими в мире, — чтобы быть в курсе последних достижений садоводства. Среди многочисленных телевизионных ведущих-садоводов у неё были свои любимцы и не любимцы. К нелюбимцам она, без всякого сомнения, причисляла Титчмарша*. Терпеть его не могла! За последние десять лет она ни разу не пропустила цветочного шоу в Челси. Она очень гордилась кустом “Пеония Саффрутикоса“, который приобрела там два года назад. Он разросся и очень хорошо себя чувствовал в её саду. Кому-то неискушённому в искусстве садоводства её сад мог бы показаться заросшим и неухоженным, но зато настоящие знатоки-садоводы по достоинству ценили её сад. Некоторые даже уговаривали её внести его в списки открытых для публики садов. Но она категорически отказывалась. Её сад — это её надёжное убежище от всех превратностей судьбы. Как она понимала принца Чарльза, который разговаривает со своими растениями! Она тоже разговаривала со своими любимцами. Она даже в мыслях никогда не призналась бы себе, что они заменяли ей детей, о которых она мечтала в юности. Но судьба сложилась таким образом... Она отгоняла эти бессмысленные и вредные мысли прочь и занималась полезными делами: весной, летом и осенью — садом, а зимой — рукоделием: шила лоскутные одеяла. В 70-х они были в моде, вот тогда-то она и увлеклась этим делом. Её тонкий художественный вкус в полной мере нашёл применение в этом искусстве. Она не задумывалась над тем, что её кембриджское образование так и осталось невостребованным. Строго говоря, это не совсем так. Она помогала брату в сложнейших архитектурных разработках. А уж если он не укладывался в жёсткие сроки, которые устанавливал Джералд, то она всегда приходила ему на помощь. Но эти моменты были эпизодическими в её жизни. Главными были сад, рукоделие и дом. Да, именно в таком порядке. Дом стоял на последнем месте и был немного запущен. Но они с братом любили его именно таким: немного беспорядочным, но дружелюбным. Он всегда был таким, сколько она себя помнила. Такой “беспорядочный порядок” завела их горячо любимая, весёлая и бесшабашная мать. Итак, будет всегда, пока они с братом живы. Брата она любила тихой бесконечной любовью, в которой никогда бы не призналась, потому что стыдилась проявления сильных чувств. Она считала брата самым порядочным, самым талантливым и самым умным человеком. Даже Джералд не шёл с ним в сравнение. Хотя Джералд... но это уже другая история.

И вот теперь, когда всё свершилось, она впала в оцепенение. Что-то в ней оборвалось — казалось, её жизнь тоже закончилась. Как же так случилось? Вопросы один за другим вертелись в голове, не находя ответов. А главное, как теперь быть?

Фэлисیتی никогда не позволяла себе распускаться. “Возьми себя в руки”, — сказала она себе и поспешно встала. На столе стопкой лежали рождественские открытки, которыми она собиралась заняться через неделю. Но, учитывая ситуацию и настроение, она села писать поздравления с Рождеством всем, кто был у неё в списке, — а список был длиннющий. Это была механическая работа. На открытках уже напечатан соответствующий текст, так что пишешь наверху Имярек, а под текстом ставишь подпись, кладёшь в конверт, пишешь адрес, в списке рядом с адресатом ставишь галочку, заклеиваешь конверт и приклеиваешь марку. Работы хватит на несколько дней. “В конце концов, написать можно сейчас, а отошлю через пару недель.” Она взяла первую открытку, развернула и вдруг автоматически написала: “Дорогая Пэт, какой ужас! Представляешь, Крис нанял частного сыщика. Он не верит, что это несчастный случай”. Больше места не хватило, шёл стандартный текст с рождественским поздравлением. Под текстом, как обычно: “С любовью, Тимоти и Фэлисیتی.”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.